

ЮРИДИЧЕСКИЙ БИЗНЕС

Резидент уполномочен заявить

Индустрия управления капиталом привыкла к постоянным вызовам, но в последнее время рынки лихорадит все сильнее. Мир активно борется за глобальное раскрытие информации, низконалоговые юрисдикции вводят правила фактического присутствия, зарубежные банки внимательно смотрят на репутацию клиентов. В какую сторону дует ветер для частных лиц из России? Представители юридической фирмы Tomashevskaya & Partners партнер, руководитель практики частных клиентов **Нелли Томашевская** и партнер практики частных клиентов **Андрей Шпак** выделили пять неочевидных трендов в структурировании активов российских собственников.

— тенденции —

Сеанс принудительной честности

Российские владельцы капитала традиционно рассматривают мировые финансовые центры в Европе как некую «безопасную гавань», где можно спокойно и надежно хранить свободные средства, отложенные на случай, если в России что-то пойдет не так.

Однако мы наблюдаем ужесточение банковского комплаенса и фокуса финансовых регуляторов (таких как FINMA в Швейцарии или FCA в Великобритании) на усилении борьбы с отмыванием денег, особенно в банках, работающих с состоятельной клиентурой. Причем сам факт нахождения денег в банке не означает автоматической индальгенции, и новые, повышенные требования к обоснованию источников происхождения средств могут быть применены к российскому клиенту в любой момент. Триггером может стать что угодно: от желания клиента сделать крупный перевод до появления негативной информации в прессе. В результате зарубежная «кубышка» из абсолютного актива превращается в несколько условный.

Для многих российских собственников, заработавших свои состояния пять-десять лет назад, когда требования к обоснованию источников происхождения капиталов были мягче, такая ситуация становится проблемой.

Они обнаруживают, что попытки применить к их капиталам свежие стандарты доказывания законности происхождения средств не всегда успешны. Выясняется, что в прошлом они не слишком-то следили за соответствием формы и сути конкретных трансакций, а проверка показывает, что по многим старым компаниям отсутствуют отчетность и документы. Учитывая, что активная фаза проверки может длиться пару недель, за которые не всегда удается собрать даже те документы, что есть по факту, собственник оказывается в ситуации, когда он не может убедительно ответить на вопросы регулятора. Это может привести к блокировке и дальнейшей потере средств и даже персональным штрафам и санкциям со стороны регулятора.

Кроме того, ряд операций, которые российские владельцы капитала склонны считать безопасным каналом для передачи средств (наследство, подарки или неожиданно удачные инвестиции), специально отмечается финансовыми регуляторами



Нелли Томашевская

как «области повышенного риска» и привлекает более серьезные проверки со стороны банков.

Чтобы этого избежать, мы обычно рекомендуем своим клиентам не ждать, когда «грянет гром», и заранее готовить обоснование источников происхождения средств — так называемый защитный файл». Например, можно подготовить отчетность по тем компаниям, которые были источником происхождения средств, и проработать ответы на вероятные вопросы финрегулятора. Один из возможных практических тестов — попробовать перевести часть капитала в новый банк и пройти там процедуру приема клиента (KYC). Если возникли сложности — это сигнал, что превентивные меры надо усилить.

Фокус на репутации

Принимая решения по вопросам соответствия клиентов антиотмывочным законам, банки и финансовые регуляторы все чаще опираются на негативную информацию, появляющуюся в СМИ. Для многих российских бизнесменов это существенный фактор риска. Истории, когда возбуждение уголовного дела используется как инструмент давления в рамках корпоративного спора, для

России не редкость. Но если сам бизнесмен может воспринимать такое событие как рутину, то швейцарского банкира эта информация не обрадует вплоть до решения повысить профиль риска, начать расследование или заблокировать средства.

Что в такой ситуации можно порекомендовать клиентам, особенно тем, кто имеет партнерский бизнес с риском возникновения корпоративного спора? Активно управлять своей репутацией, в том числе пользуясь услугами профильных PR-специалистов и агентств, и участвовать в социально значимых и общественно полезных проектах. Тогда, даже если негативная информация появится в публичном поле, она купируется «позитивом», а это снизит риск блокировки средств.

От безналогового статуса к низконалоговому

Еще недавно многие российские владельцы крупного капитала предпринимали попытки управлять своими активами из разных стран так, чтобы избежать любого резидентства и полностью освободиться от налогов, в крайнем случае — уплачивать их по минимуму. Некоторые исповедуют такой подход до сих пор, и на первый взгляд для него хватает возмоз-



Андрей Шпак

ностей: одни регулярно переезжают из страны в страну, другие стараются построить структуру своей бизнес-империи таким образом, чтобы «изображать» управление из более низконалоговых юрисдикций.

Но теперь в свете обмена информацией между налоговыми органами разных стран становится все труднее прятать активы. Для получения льгот приходится доказывать, что компания не «пустышка», и подтверждать определенный уровень экономического присутствия, включая наличие специалистов с соответствующей квалификацией, принимающих реальные решения.

Кроме того, ужесточение комплаенса — новый глобальный тренд, и на его фоне налоговые декларации становятся одним из ключевых источников, подтверждающих законное происхождение денег. А реальное присутствие в подходящей зарубежной юрисдикции, как и получение там зарплат, может помочь обосновать эту законность. Иными словами, талант полностью уходить от налогообложения теперь может превратиться из преимущества в проблему: все меньше банков готовы работать с клиентами, не способными документально обосновать, в какой стране они платят налоги.

В своей практике мы видим, как фокус постепенно смещается на «низконалоговое» планирование — в этом случае владелец капитала пытается обеспечить разумный уровень налогообложения с учетом своих фактических обстоятельств.

Свобода без границ

По мере роста благосостояния у многих российских владельцев капитала возникает желание путешествовать по миру без визовых ограничений.

Популярным решением была покупка гражданства в одной из стран Европы в обмен на инвестиции, и до начала пандемии таких вариантов хватало. Но их практическая реализация сопровождалась множеством нарушений, и сегодня большинство из этих программ отменены. Стало понятно, что новое гражданство уязвимо к изменению политической ситуации и его могут забрать так же легко, как дали. Кроме того, карантинные ограничения, в том числе в рамках стран Шенгенской зоны, показали, что не существует универсального решения, гарантирующего въезд в любую страну в любой момент.

В нашей практике мы наблюдаем, как у клиентов растет интерес к

«смешанным» решениям, когда вместо того, чтобы искать идеальный второй паспорт, они участвуют в нескольких программах получения гражданства или ВНЖ. По отдельности эти программы безупречны, но в совокупности они позволяют «закрыть» потребность клиента комфортно перемещаться по миру в привязке к тем юрисдикциям, которые ему особенно важны.

Выбор в пользу России

В последние годы российские собственники осознали, что создание иностранного холдинга и заключение с партнерами акционерного соглашения по английскому праву не гарантируют, что активы в России будут защищены.

Мы встречали немало историй, когда владельцы активов прописывали некие идеальные конструкции на уровне кипрского холдинга, но не учитывали, как они реализуются на уровне российского ООО. И, к сожалению, в дальнейшем решали проблемы в отечественных судах.

Для многих оказывается открытием, что спор в английском суде — процесс сложный и дорогой: его стоимость может достигать нескольких миллионов фунтов стерлингов. Если бенефициар не готов к крупным потенциальным тратам, в случае судебного конфликта он рискует остаться без защиты.

Следует учитывать, что исполнение решений английских судов в отношении имущества, находящегося за пределами Великобритании, выглядит довольно проблематичным. И если случился спор, а вы не продумали стратегию получения активов «на выходе», к концу процесса оппонент может благополучно перепрыгнуть их в юрисдикцию, откуда их будет трудно «достать». И после многолетних судов у вас на руках окажется лишь бесполезная бумажка.

Прозрачность владения в зарубежных юрисдикциях растет, а управлять иностранными компаниями становится все сложнее — виной тому и карантинные ограничения, и санкционные войны. На этом фоне усиливается интерес собственников к инструментам, которые позволяют конфиденциально владеть активами внутри страны и грамотно защищать их — таким, например, как ЗАО и ЗПИФ. Реформа гражданского законодательства 2014–2015 годов заметно сократила отставание российского права от зарубежных практик, и этим прогрессом стоит воспользоваться.

«Иногда нужно проиграть маленькую битву, чтобы выиграть большую войну»

— практика —

По каким статьям чаще возбуждают уголовные дела?

— Наиболее распространенными статьями стали мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение и растрата, разные виды хищений, злоупотребление полномочиями. К сожалению, по-прежнему часто возбуждают дела о мошенничестве в предпринимательской деятельности, невзирая на масштабные законодательные реформы, предусматривающие за хищения особые режимы ответственности. Эти нормы живут на бумаге, но на практике не работают. Правоохранители продолжают ориентироваться главным образом на возможный размер наказания, поскольку он влияет на тяжесть преступления, а она, в свою очередь, учитывается судом при избрании меры пресечения на старте процесса.

Фактического владельца не спрятать

— Возможно ли уберечь от ареста частные активы?

— Как правило, арест касается частных активов не только подозреваемых граждан, но и членов их семей. Важно помнить, что под ними понимаются не только супруги, дети, сестры и братья, но и родители супругов и даже лица, не принадлежащие к кругу близких родственников. Аресту предшествуют обыски у указанных лиц.

Сегодня невозможно спрятать активы, перевесив их на бабушку или сестру жены: если в дальнейшем у этого лица не установят наличие достаточного дохода, совершенно не важно, на кого записано имущество — на это ориентируется даже Пле-



нум ВС РФ. В случае, когда фактическим владельцем роскошного двухэтажного пентхауса в центре Москвы записан водитель с доходом 80 тыс. руб. в месяц, очевидно, что даже квартплата за этот объект будет для него непосильной ношей. Органы следствия примутся выяснять, кто проживает в этом объекте, кто несет реальные издержки по его содержанию и так далее, в результа-

те чего фактический владелец будет установлен, а объект — заморожен.

Худой мир лучше уголовного процесса

— Уголовное преследование — это всегда потеря активов или можно попытаться защитить их? — Хороший вопрос, и ответ на него таков: вся соль — в правильной оценке рисков. Большинство управ-

ленческих решений принимается с учетом оценки приобретения или отчуждения актива. А почти все российские уголовные дела между хозяйствующими субъектами связаны именно с выяснением, дорого или дешево отчуждался тот или иной актив, верно или неверно оценивались акции при соглашении об отступном. То есть это всегда вопрос цены.

При возникновении вопроса об оценке можно применять гражданско-правовой подход: по его смыслу независимая оценка действительна до тех пор, пока суд не установит обратное. А уголовно-правовой подход, по сути, подразумевает, что оценку в РФ защитить невозможно. Поэтому что следователи будут квалифицировать не факт признания ее действительности судом, а факт ее независи-

мости, к примеру выяснять, имело ли место то обстоятельство, что в предварительном договоре купли-продажи стороны согласовали стоимость актива, а через два месяца появилась оценка, корреспондирующая обговоренной сумме. В таком случае оценка с большой вероятностью не будет признана независимой.

Кроме того, при оценке рисков стоит учитывать, что преюдициальное значение решений арбитражных и гражданских судов с 2011 года сведено в российский уголовном процессе почти к нулю.

Встречаются фантастические правовые ситуации — например, при споре между двумя бизнес-партнерами один из них заявляет в гражданском процессе, что долг перед ним урегулирован в полном объеме, что подтверждается судебными решениями. А в уголовном процессе он отрицает погашение той же задолженности и заявляет еще один иск на ту же сумму. Такие истории развиваются параллельно в рамках «вертикали» единой судебной власти.

Я убеждена, что стороны должны уметь договариваться: худой мир в российской действительности лучше уголовного процесса. И, как ни странно, иногда возмещение вменяемого по делу ущерба без признания вины — это способ за счет существенных потерь предотвратить еще больший вред и защитить свой актив. Такой ход решает вопрос с гражданским иском в уголовном процессе, снимает арест имущества, облегчает изменение меры пресечения, что тоже позволяет сохранить бизнес, хотя на какой-то короткий момент возмещение вреда кажется поражением. Иногда нужно проиграть маленькую битву, чтобы выиграть большую войну.

Владимир Николаев